

В 45. Грамота № 916 (стратигр. оценка пока еще затруднена; внестратигр. предпocht. 2 пол. XIII в.; Троицк. Т)

(с)[и] ГЛѢТЬ ЕСИФ[Ѡ] (КО) ДѢВЦЬ МАРИЕ : ЦТО ДѢЛО СЕ ЕЖЬ ТЪ
БЪ ВИЖЮ НѢДОУМЬЮ И ДИВЛЮСА И ѠМОМЪ ѠЖАСА
ЮСА : ТАІ Ѡ МЫНЬ БѠДИ СКОРО ИБЪ Ѡ ЦРКВИ И Ѡ ЕРЬИ
АКО ГНЮ ТА ПРИАХО ХѠЛѠ МИ ПРИНЕСЛА ЕСИ ЗА ЦЕСТЬ
СРАМѠТѠ ЗА ВЪСЪЛЪЕ СКОРБЬ ЗА НЬ ХВАЛИТИСА

Источник текста — Часы в Навечерие Рождества Христова, час 1-й, тропари перед чтением паремии, тропарь на “Славу”, глас 8. Современный текст здесь таков:

Сия глаголет Иосиф к Деве: Марие, что дело сие, еже в тебе зрю? Недоумею и удивляюся, и умом ужасаюся, отай от мене буди вскоре. Марие, что дело сие, еже в тебе вижу? За честь срамоту, за веселье скорбь, вместо еже хвалитися, укоризну мне принесла еси. К тому не терплю уже поношений человеческих: ибо от иерей из церкви Господни непорочну тя приях, и что видимое?

Вероятно, в грамоте № 916 текст тропаря записан по памяти, отсюда искажения; но не исключено, что искажения имелись уже в том письменном тексте, с которого списывал или который заучил наизусть наш писец. Несомненная описка — *срамѠтѠ* вместо *срамотѠ* (с предвосхищением Ѡ). По-видимому, *дѡвць* — тоже описка (вместо *дѡвиць*); менее вероятно, что писавший подменил в тексте слово *дѡвица* народным словом *дѡвка*: тогда он скорее всего написал бы *дѡвкъ*, а не *дѡвць*. В ряде других случаев (*тѡбь* вместо *во тѡбь*, *ибь* вместо *ибо*, *зань* вместо *заньжъ*) можно предполагать как простую описку, так и то, что что писавший плохо понимал соответствующее место и переосмыслял его по-своему (как ‘тебя вижу’, ‘и было’, ‘потому что’).

Во второй половине отрывка в тексте допущен ряд перестановок и пропусков, в результате чего несколько пострадал исходный смысл. В частности, *Господню* стало эпитетом не для церкви, а для Марии; вместо семантически безупречных оппозиций ‘за честь срамоту’, ‘за веселье скорбь’ возникли менее прозрачные ‘хулу за честь’, ‘срам за веселье’ и даже синтаксически неправильное *скорбь за нь хвалитиса*.

Можно предполагать, таким образом, что сам писавший осмыслял весь текст приблизительно так: ‘Сие говорит Иосиф девице: «Мария! Что это за дело, что я тебя [такою] вижу? Недоумеваю и дивлюсь и умом ужасаюсь! Тайно (без огласки) прочь от меня немедленно! И было [так]: от церкви и от иереев как Господню я тебя принял (*или*: А ты была от церкви и от иереев, как Господню я тебя принял). Ты [же] хулу мне принесла за честь, срам за веселье, скорбь вместо (?) того, чтобы [мне] хвалиться»’.

Графика: 1) ѡ → о, е → ѡ/е (е только в се), ѡ → ѡ; 2) Ѡ/Ѡ, е, Ѡ, и/и, Ѡ. Об описках и ошибках см. выше.

Редуцир.: П — *цто* (о *дѡвць* см. выше). Плавные: *скорбь*. Конец слова: *Ѡмомь*.

Язык — церковнославянский; но в записи отражено новгородское цоканье (*цто*, *цѡсть*). В Д. ед. *дѡвць*, если это вместо *дѡвиць*, употреблено диалектное окончание <-ѡ>.

В 46. Грамота № 419 (стратигр. 1290-е – 1300-е гг., внестратигр. 1280-е – 1310-е гг. [предпочт. не позднее конца XIII в.]; Ильинск.)

Под условным наименованием “грамота” в данном случае выступает единственная известная в настоящее время берестяная книжечка. Она состоит из 12 страниц, из которых 7 содержат текст. Размер страниц — в среднем 4,7 × 5 см.

Стр. 1: $\overline{\text{ИС}}$ ХТ^{X} · ако со $\overline{\text{БО}}$ мь поциваємо | $\overline{\text{Г}}$ и благослови | $\overline{\text{ОЦ}}$ ь | Въцерьнаа на|ша
молитвы | прими сваты | $\overline{\text{Г}}$ и и подаже

Стр. 2: нама оставль|н{о}иє грѣхово а|ко єдино єси а|влии во мирь | воскресни|є

Стр. 3: Обидеть лоу|дие сиона и обои|иметь и д|дди|ть славу во не|мь|мь вос|
кресошь|моу и мьрты|ихо ако ть є

Стр. 4: сть бо|го на|шь избавли|и ото беза|конии нашихо | Придѣть {л}л|дие
поимо и | поклонимаса

Стр. 5: $\overline{\text{Х}}$ оу славащє к|го сватое во|скрсени-є а|ко то єсть | $\overline{\text{Б}}$ о нашь изба|влаа
ото беза|кони нашихо

Стр. 6: Страстию | твоєю $\overline{\text{Щ}}$ ь {сстра}|страстии | свободихо|моса и воскр|сьє
ниєме

Стр. 7: твоимь из истє|лєниа избы|хьмо $\overline{\text{Г}}$ и слава | тобь ·

Содержание книжечки составляют две молитвы (из стихир, читаемых в церкви в субботу великой недели и из стихир на литии). Возможно, книжечку изготовил для себя кто-нибудь из певчих церковного хора.

Ни перевода, ни грамматического разбора мы здесь не даем, поскольку эти аспекты данного текста не имеют отношения к др.-новг. диалекту. Ниже рассматриваются только вопросы графики и фонетики.

Графика: 1) $\text{ь} = \text{o}$ (с господством o), $\text{ь} = \text{e}$, $\text{ѣ} \rightarrow \text{E}$; 2) $\text{ou} / \text{ѣ}$ (3/3), $\text{e} / \text{є}$ (9/6), $\text{a} / \text{я}$ (6/1), o обычное, и . Как можно видеть, в большинстве тех точек системы, где был возможен выбор графемы, здесь представлено колебание.

Как и грамоты № 674, 727, 715, Торж. 17, эта книжечка представляет собой важный пример того, как с помощью бытовой графической системы мог записываться также и церковный текст.

В тексте имеются инициалы (переданные выше заглавными буквами): они подчеркнуты двойным контуром.

Писавший допустил много описок: стр. 1 — *поциваємо* (*в* вместо *н*); стр. 2 — *оставльноиє* ‘оставление’ (не зачеркнуто лишнее *о*); стр. 3 — *обои|иметь* (лишнее *и*), *во не|мь|мь* (лишнее *мь*), *и мьртыихо* ‘из мертвых’ (пропуски букв); стр. 4 — *л|дидиє* ‘люди’ (лишнее *л*); стр. 6 — лишнее *сстра*. По-видимому, просто опиской или ошибкой является также конечное *а* (вместо *а* или *я*) в *избавлаа* (стр. 5). Напротив, *и* вместо *иш* в *ото безакони*, *ы* вместо *ыш* в *сваты* нет оснований считать описками. Относительно *лоу*, *лѣ* вместо *лю* в *лоудие*, *лѣдидиє* см. § 2.44. Может быть, неслучайно также *а* в *поклонимаса*, ср. иного $\overline{\text{Ба}}$ *не знаєма* в псковском параклитике 1386 г. (103, 105 об.; см. об этом Соболевский 1884: 133, 154), *дали есма* в ярославской грамоте XV в. (АСЭИ III, № 199).

Состояние редуцированных в данном тексте должно быть квалифицировано как раннедревнерусское. Очевидно, однако, что этот факт определяется не датировкой документа, а его литургическим содержанием. Текст предназначался для пения и записан со всеми теми гласными, которые произносились при церковном пении. Грамота № 419 лишней раз подтверждает тот известный факт, что в церковном пении (так наз. хомовом) все древние редуцированные произносились (*а* именно, ь произносился как *о*, ь — как *е*). Это касалось не только внутрисловных, но и конечных редуцированных; поэтому неслучайно, что в грамоте № 419 мы находим для предлога ‘от’ записи *ото* (2×) и $\overline{\text{ѡ}}$ ь, но не $\overline{\text{ѡ}}$ (ср. правильное *из*, без ь , в *из истелєниа*).

Плавные: *мьртыихо*. Конец слова: со $\overline{\text{БО}}$ мь, во немь, воскресениєме, твоимь.